

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Э. ЮНГЕР И УТВЕРЖДЕНИЕ НАЦИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ГОДЫ НАЦИСТСКОГО ГОСПОДСТВА.

В статье рассматриваются вопросы выработки стратегии поведения и выживания интеллектуала в условиях нацистской диктатуры на примере немецкого консервативного мыслителя и писателя Эрнста Юнгера. Формирование нацистского правительства в январе 1933 г. знаменовало собой фазу завершения глубинного кризиса Веймарской республики начала 1930-х годов. В результате формирования нацистско-консервативного коалиционного кабинета Гитлера в германском государстве начался процесс структурной трансформации государства в сторону фюрерского государства, предполагающего тотальный контроль и управление всей жизнью общества. В этих условиях существование интеллектуала требовало выбора между конформизмом и неконформизмом. Особенно это касалось националистических публицистов периода Веймарской республики, которые имели серьезную политическую репутацию и были привлекательными и известными авторами правого лагеря. Эрнст Юнгер избрал стратегию уклонения от политического участия в нацистском движении и даже использования его сочинений для пропаганды и воспитания немецкой молодежи. Однако это не означало, что он занял позицию борца с нацистским режимом. Пример Эрнста Юнгера как известного националистического публициста, показывает, насколько нетривиальными могут быть пути существования мыслителя в условиях начинающегося регулирования общественной жизни и репрессий против оппозиционных сил и идей.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Веймарская республика, национал-социализм, выбор интеллектуала, нацистский захват власти, консерватизм, консервативная революция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-02-26-33

Введение

Установление нацистской диктатуры в Германии в 1933 г. привело к глубинной трансформации германского общества от демократической Веймарской республики к диктаторскому фюрерскому государству. Создаваемая система власти была нацелена на утверждение тотального контроля над всеми сторонами общественной и политической жизни. В данных условиях гуманитарий становился перед необходимостью совершения политического выбора. Консервативный мыслитель Эрнст Юнгер имел репутацию правого националистического публициста и известного военного писателя. В новых условиях от него ожидали поддержки делом и именем, что должно было придать коалиционному правительству Гитлера политический вес в глазах немецкого населения. Эрнст Юнгер оказался перед необходимостью выбора и сохранения внутренней свободы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает творческое наследие немецкого консервативного мыслителя Эрнста Юнгера. В центре анализа находится выявление его позиции в ходе

прихода к власти коалиционного правительства Гитлера и начала политической трансформации веймарского общества. Методология исследования опирается на принципы новой исторической науки, предполагающей рассмотрение творческого наследия Э. Юнгера в рамках новой интеллектуальной истории, с учетом влияния исторического контекста, личности и окружения немецкого мыслителя. Анализ публицистических работ и дневников Э. Юнгера опирался на герменевтические принципы исследования.

Результаты и их обсуждение

Приход нацистского движения к власти был результатом упорной деятельности и поддержки немецкого населения, миллионы голосов которого обеспечили ему доминирующее положение в рейхстаге, несмотря на все катаклизмы 1932 г., которые расшатывали политическую систему Веймарской республики. Три правительства – Г. Брюнинга, Ф. фон Папена, Г. фон Шлейхера – находившиеся у власти и последовательно сменявшие друг друга на протяжении года, не смогли стабилизировать ни экономическую, ни политическую жизнь германского

государства. Стабилизация Германии в условиях экономической депрессии оставляла желать лучшего. Политическая стабилизация была недостижима в силу активизации действий ультраправых (нацистов) и ультралевых (коммунистов) сил, направленных на расшатывание и без того не стабильной системы. Убежденность ее политических элит в том, что националистическая позиция нацистов с определенными оговорками вписывается в мировоззренческую картину формирования национальной Германии, по крайней мере, существенно отличается от левой перестройки германского общества, в котором партийные ценности заменят национальные и немецкая Германия станет партийно-коммунистической страной, говорящей по-немецки. Желание переиграть нацистов, убежденность в том, что это возможно реализовать, стали роковой ошибкой консервативных кругов, глубоко уверенных в собственном превосходстве над национал-социалистами и уверовавших в то, что Гитлер настолько безвольный человек, что им удастся им манипулировать как марионеткой и, в конечном счете, навязать ему свою волю. Эта ошибка стала понятна уже через несколько месяцев, но она уже была совершена. Уверенность в том, что они контролируют процесс, в реальности означали, что этот процесс начинал играть собственную роль. Конечно, оставался еще рейхспрезидент фон Гинденбург, который мог радикально изменить ситуацию, но он уже умирал и его интерес к происходящим событиям становился все более информационным, чем деятельным. Все зависело от того, насколько действия Гитлера смогут привлечь внимание и разозлить Гинденбурга настолько, чтобы он принял решение о смещении рейхсканцлера. И Гитлер оказался, в конечном счете, умелым политиком, который смог не провоцировать консервативные элиты на решительное противодействие и создавать видимость управляемого человека, все более и более становившегося громоотводом от боевых отрядов собственной партии. Эта линия поведения 1933 – первой половины 1934 г. была формой эластичного перехода от веймарской демократии к вождистскому государству.

В орбите жизни Э. Юнгера 30 января

1933 г. не вызвало радикальных колебаний. Нельзя сказать, что он восторженно приветствовал приход нацистско-консервативного правительства к власти, подобно некоторым писателям правого толка. Следует указать на то, что подобный восторг в 1933 г. был не возможен в силу того, что трещина во взаимоотношениях, наметившаяся в 1930 г., только расширялась. Критическая позиция Э. Юнгера по отношению к нацизму указывала нежелание сотрудничать с нацистским движением как политической партией, находившейся в оппозиции к республиканским правительствам и претендовавшей на руководство национальным движением в Германии. Отход от политической публицистики как средства политической деятельности, смещение интересов от политики к философии и литературе делали для него все менее интересными проблемы ежедневной политики. Происходившее смещение интересов, помноженное на разрыв контактов с нацизмом, делали восторг 30 января 1933 г. маловероятным. Другой вопрос состоял в том, что разрыв отношений с нацизмом и его критика нацистской стратегии и тактики начала 1930-х годов были полемикой с одной из партий, участвовавших в парламентской борьбе. Теперь же речь шла о правительстве, обладающим властными полномочиями, столкновение с которым уже означало совершенно иное, чем внутрипартийная полемика о том, как лучше изменить республику. Э. Юнгер не занял позицию восторженного сторонника нацизма, но и не стал решительным критиком действий нацистской партии. Х. Кизель отмечал, что «в том, что произошло 30 января и что получило развитие потом, он не испытывал никакого удовольствия» [6. S.407-408]. На фоне начинающихся решительных процессов, поджога рейхстага и парламентских выборов марта 1933 г., Э. Юнгер избегал любых публичных заявлений и выступлений. 5 апреля 1933 г. в письме нацистскому журналисту Людвигу Алвенсу он определяет особенность своего поведения: «Что касается меня, то я пока займу положение аутсайдера; моя последняя книга [*Рабочий*] не пришлась по нраву новым господам и, с другой стороны, я придерживаюсь мнения, что Германия еще не сказала своего последнего слова».

Спустя месяц, на фоне майских событий 1933 г., когда вследствие «майского призыва» в НСДАП вступило несколько миллионов новых членов, как проявление конформизма и желая вписаться в изменяемый политический порядок, Э. Юнгер писал 12 мая тому же Алвенсу: «В последнее время у меня появляются всякие люди, которые пытаются меня вовлечь в какие-то оппозиционные круги. Естественно, я отказываюсь. Наша оппозиция лежит не по эту, а по ту сторону теперешних событий»[6. S. 408]. Человек, к которому были обращены письма Э. Юнгера, Людвиг Алвенс, был лицом близким к Геббельсу, о чем Э. Юнгер, конечно, знал, и мог предполагать, что его позиция могла быть доведена до соответствующих лиц.

12 апреля 1933 г. на квартиру Э. Юнгера явились двое полицейских и устроили обыск. 24 августа 1945 г. Э. Юнгер так описал это посещение: «Был вечер; я сидел один в моей штеглицкой квартире и читал «Венеры и Тангейзера» Бердслея. Раздался звонок, на пороге я увидел двоих полицейских. Они вошли, я спросил у них удостоверение, но они сделали вид, что не слышали. Они стали спрашивать, есть ли у меня в доме оружие, а сами уже открыли ночной столик у меня в спальне. Один запустил руку за обивку кресла, как в сумку, и укололся иголкой. Другой сперва проверил корзину для ненужных бумаг, затем взглянул на книги. «Это вы написали?» - спросил он, указывая на мою книгу «Рабочий». Заголовок показался ему подозрительным. Наконец они заговорили о деле, по которому пришли, о письмах Мюзам, таких же безобидных, как он сам. Я дал ему мою папку с письмами «Н-М». Они принялись перелистывать и сразу же наткнулись на фамилии, которые тогда высоко котиrowались, на чем и закончили свои поиски»[1. С.186-187]. Супруга Э. Юнгера Грета на следующий день отправилась в полицейский участок Штеглица и опротестовала действия полицейских. Интересная деталь, которую Э. Юнгер опустил в записи 1945 г. и на которую указывает Грета Юнгер в своих воспоминаниях «Силуэты». Пока один полицейский листал папку с письмами, другой открыл платяевой шкаф, в котором увидел военный мундир Э. Юнгера с боевыми наградами. Узнав,

что это его награды, полицейские ретировались. Грета Юнгер передает свою беседу с офицером полиции в участке: «Знаете ли Вы чей дом Вы обыскивали и Вам не стыдно? – Милостивая фрау, я только выполнял приказ! – Ах, что Вы! Идите к черту с Вашим приказом! Что Вы нашли? Pour le Mérite, как я предполагаю. Вы можете передать своему заказчику, что Вы можете долго искать, пока Вы это однозначно не найдете. Если Вы вновь придете, я спущу Вас с лестницы»[7. S.367]. Через неделю Э. Юнгер встретился с Геббельсом на премьере пьесы Х. Йоста «Шлагетер», которая демонстрировалась 20 апреля 1933 г. в Берлинском государственном театре. Эта встреча оказалась последним личным свиданием, все оставшиеся контакты были в основном письменными.

Э. Юнгер старался уклониться от возможных контактов, не выпячивая себя, насколько это было возможно. Поэтому обозначенная позиция в письмах Алвенсу служила определенным оправданием его дистанцирования. Именно дистанцирования, а не позиции молчания, как считает Х. Кизель[6. S. 408]. Э. Юнгер не собирался делать публичных заявлений или публиковать статьи, в которых бы высказывал особую позицию в духе его статьи о национализме. После посещения полиции он просмотрел свою переписку и сжег письма, адресатами которых были люди левых взглядов, находившиеся сейчас под особым вниманием. Он понимал, что нюансировка понимания социализма, которая существовала между различными немецкими левыми, не будет принята в расчет. Та же судьба постигла и дневники начала 1930-х годов, которые были уничтожены Э. Юнгером[6. S.410]. Э. Юнгер зачищал концы, избавляясь от возможных опасных следов, проявив свойственную ему осторожность. Это лишило последующих исследователей его творчества интересного материала, который бы приоткрыл бы его оценки и фактический ряд событий, связанный с утверждением нацистской диктатуры. К сожалению, это было уничтожено и единственное, что дошло до нас, это его воспоминания и рассуждения записанные после Второй мировой войны в «Годы оккупации». Видимо Э. Юнгер считал, что приватные материалы могли

перевесить его критические замечания в политической публицистике.

В мае 1933 г. Э. Юнгер публикует в «Deutsches Volkstum» статью «Закат или новый порядок?», которая стала последней его политической статьей. Она по-своему была реакцией на майский подъем 1933 г., волну воодушевления и надежды на изменения политического порядка. Сложно сказать насколько это была политически заостренная статья. В основном она представляла собой развитие идей, изложенных в «Рабочем». В ней присутствовали политические темы, но Э. Юнгер избегал упоминания понятий раса и кровь, и уклонялся от того, чтобы связать возможный новый порядок с национал-социализмом. Национал-социализм не упоминается в статье совсем. Насколько осознанно? – зависит от позиции интерпретатора. В любом случае, это в большей степени изложение видения Рабочего, в пользу чего говорит центральное понятие, на которое нанизывается статья – «работа», что становится характерно для новых интересов Э. Юнгера. Проблема состояла в том, что для большинства немцев он был связан с военной прозой и известен как националистический публицист.

Статья с первого слова заглавия наводит на мысль об О. Шпенглере и «Закате Европы», т.е. о философско-историческом взгляде на современность. Э. Юнгер отмечал, что «об этом вряд ли можно сомневаться, что наше время действительно находится во времени перемен, - ведь каждый из нас переживает последствия этих перемен на себе и в своей собственной судьбе, как он, как страдание, касается его. Мы находимся на самом деле в центре перемен, о которых сегодня уже можно сказать, что они прорывают французскую революцию, превосходя ее в ранге и объеме, - да, это может быть крупнее и успешней посягательства немецкой Реформации и даже равноценный переселению народов, как это может показаться со стороны. Если мы захотим рассмотреть эти изменения каждое по отдельности, то мы будем поражены их масштабом, их многообразием и их разрушительным действием. Мы увидим вновь не только пространство земного шара, объятаго войнами и гражданскими войнами, но мы видим также по ту сторону

чистого политического мира, совершать наполняющие преобразования в области руководства частной жизнью, экономикой, техникой, наукой, - короче, мы находим это даже в отдельных уголках жизни, затронутые великими переменами»[4.S.643-644]. Определяемые Э. Юнгером перемены преодолевают рамки национальных границ и характеризуют процессы глобального уровня. В пользу этого говорит избегание им политических лозунгов, используемых на улицах Германии. Он подчеркивал базовый принцип перемен: «работа есть великий и изменяющий принцип, приводящий в движение наше время», где работа выступает как «собственный и величественный стиль жизни, работа как новый принцип»[4. S.646]. Э. Юнгер полагал, что следствием этого выступало то, что «нации превращаются в рабочие величины в новом смысле». Пяти-четырёх или десятилетние планы предполагают государственную организацию, что выводит планирование за пределы достижения экономических или социальных задач и превращает его в реализацию «политической задачи». Политическая задача требует изменение смысла труда и понимания того, кем является рабочий. Он перестает быть исполнителем «экономических, социальных или политических решений; он в большей мер выступает носителем нового чувства жизни и нового способа жизни». Новые принципы жизни включают в себя: «строгая дисциплина, порядок и подчинение, руководство и верность, государственный авторитет, служба в солдатском смысле – вот те требования молодежи, которому надоели идеалы ушедшего века»[4. S.648]. Это означало преодоление и отказ от буржуазных принципов свободы в пользу государственного подчинения и регулирования жизни на принципах солдатского общества. Эту мысль Э. Юнгер проводил в своей политической публицистике второй половины 1920-х годов. Здесь выступает возвращение к основам немецкого философского понимания жизни, переход от свободы к духу.

Э. Юнгер отмечал, что «не имеющий значения идеал индивидуальной свободы уступает место духу, который видит свое счастье в соблюдении порядка, службе как выполнении великой задачи»[4. S.649]. Поэтому

необходимо авторитарное изменение государства, всей политической системы в силу того, что «идея рабочего плана становится политической идеей, приобретающей сейчас господство в Германии». Э. Юнгер полагал, что «новая организация целого и его частей» является настоящей задачей «национальной революции». Важнейшими задачами современной Германии он выделял необходимость создания рабочих мест, реорганизацию армии, введение трудовых повинностей и специальных поселений в рамках планового регулирования, изменение политических, экономических и технических систем, пересмотр международных договоров, ограничивающих свободу Германии [4. S. 649-650]. В завершении Э. Юнгер оставляет ответ на вопрос, поставленный в начале статьи, открытым, тем самым уходя от необходимости восхваления или осуждения происходящих изменений под руководством нацистской партии. «Все эти задачи в меньшей или большей степени, не могут считаться неразрешимыми в Германии. Способ, который мы выберем, будет решением великих перемен, которые в дальнейшем позволят нам назвать, что они вошли в историю как закат, или начало нового порядка, нового подъема» [4. S. 650].

Опубликованная Э. Юнгером статья не давала оснований для оценки его взглядов как нацистских или антинацистских. Скорее всего, повторяя ключевые положения «Рабочего», она была его кратким рефератом, но в соответствии с форматом статьи, требовала высказывания политической позиции. Резюмируя, ее можно определить так: подождем. Следует подчеркнуть, что Э. Юнгер совершенно не использует какого-либо упоминания национал-социализма или лично Гитлера. И это не было случайностью. В последнем тексте 1933 г., в послесловии к рыцарям «Pour le Mérite», написанным 15 сентября, присутствует констатация 1933 г. как «года осознания немецким народом своей великой задачи. <...> Наша задача – фюрерское государство; поэтому желаю для него рождения вождя» [5. S.660]. Здесь нет никакого упоминания о нацизме как творце нового мира. Учитывая то, что Э. Юнгер желает появления вождя устанавливающегося фюрерского государства, это могло означать лишь то, что

Гитлер, называемый с большой убежденностью как национальный вождь, не рассматривался им как таковой. Но утверждать, что это была сформированная оппозиция против нацизма тоже нельзя, так как автор высказывал позицию без позиции, сохраняя для себя возможность ее досказать, в зависимости от развития событий. Пока же он приветствовал необходимость изменений Веймарской республики в сторону вождистского государства, но кто бы в Германии стал бы весной 1933 г. утверждать, что это должно быть исключительно нацистское государство? Э. Юнгер об этом точно не писал, и даже не намекал, так как в текстах исчезли такие маркеры как кровь и раса, ставшие в общественном сознании нацистским элементом. Он говорит только о духе, вожде и истории.

В письме к брату Фридриху Георгу 13 августа 1933 г. Э. Юнгер сформулировал свою стратегию поведения в данных обстоятельствах. «Я по-прежнему считаю наибольшую сдержанность своей правильной позицией» [6. S.408]. Однако, летом и осенью 1933 г. он оказался перед перспективой определения публичной позиции, которую следовало занять. «Секция поэтического искусства Прусской академии искусств» 10 июня 1933 г. по сообщению «Stuttgarter Neueste Tageblatt», которое приводит Йозеф Вульф, произвела реорганизацию своих членов и включила в состав представителей фелькиш-националистической литературы, таких как Вернер Беумельбург, Ханс Гримм и Ханс Йост. По предложению Ханса Гримма туда был избран и Эрнст Юнгер. Дата его выборов разнится – либо июнь, либо октябрь. Подобный заочный выбор в число академиков имел конкретную реакцию Э. Юнгера в виде письма в «Немецкую академию поэзии, Берлин», 16 ноября 1933 г.: «Имею честь сообщить, что я не могу принять выбор меня в Немецкую академию поэзии. Своеобразием моей работы состоит в сущности солдатского характера, и я бы не хотел, чтобы академические обязанности препятствовали этому. В особенности я должен подчеркнуть мою позицию к отношению между вооружением и культурой, которую я изложил в 59 статье моей работы о рабочем, также в этом выражено мое лично отношение. Поэтому я прошу Вас воспринять мой отказ как

жертву, к которой меня обязывает мое участие в немецкой мобилизации, на службе которой я нахожусь с 1914 г. С уверенностью, что я рассматриваю тот факт, что Вы думаете обо мне, как знак высшего отличия. Преданный Вам, Эрнст Юнгер»[б. S.412-413]. В ответ Э. Юнгер получил сообщение о том, что его обращение в Академию с отказом от членства является преждевременным, так как никакого официального сообщения о приеме его в состав не было. Однако в циркуляре Геббельса прессе № 63 от 17 ноября 1933 г. было указано «ничего не сообщайте» об отказе Э. Юнгера.

Х. Кизель справедливо усмотрел в действиях Э. Юнгера политическую составляющую, так как многие интеллектуалы в 1933 г. стремились определиться с выбором своей позиции в отношении нового правительства, которое пока только расчищало пространство, но уже заявило со всей определенностью о стремлении к изменению системы. «Отказ Юнгера от членства в «Поэтической академии» был частным политически мотивированным актом. Юнгер не хотел быть связанным с нацистской организацией или в «унифицированной» корпорации». Однако Х. Кизель завышает значение отказа Э. Юнгера в контексте его отношений с нацизмом, видя в нем решительную оппозицию. «Это был решительный и мужественный, мудрый и одновременно оскорбительный отказ. Он был решительным, так как после это не о чем было говорить и попытки убеждения исключались. Он был мужественным не только из-за публично заявленного сопротивления против попытки объединения, но также ссылки на «Рабочего», который критически воспринимался с национал-социалистической позиции. Он был мудрым в своем отношении к квази «солдатской» службе «в немецкой мобилизации». И он был болезненным для активистского руководства «Поэтической академией», так как Юнгер с ссылкой на 1914 г. показывал, что он мыслит в целом в другом историческом измерении и не хочет, чтобы Германия растворилась в «Третьем рейхе»»[б. S.413]. Все-таки следует уточнить, что об этом можно говорить в 1934 г., но не в 1933 г. 1933 г. – был годом выживания. За полтора года нахождения у власти нацистов он понял, что это не рядовое

правительство, которое слетит с арены, как в 1932 г. Нацизм расширял свое влияние и изменял Веймарскую республику.

В 1934 г. Э. Юнгер окончательно обозначил свою позицию дистанцирования от нацистского активизма. Решительным поворотом стало письмо в редакцию «Völkischen Beobachter» от 14 июня 1934 г. «В «Jungen Mannschaft», приложения к «Völkischen Beobachter» от 6/7 мая 1934 г. был напечатан отрывок из моей книги «Авантюрное сердце». Эта публикация была сделана без ссылок на источник, что может создать впечатление, что я являюсь Вашим сотрудником. Это не так; я на протяжении многих лет вообще не прибегаю к средствам прессы. В этом особом случае следует подчеркнуть, что это недопустимо, что, с одной стороны, официальная пресса выставляет меня в роли своего сотрудника, с другой стороны, препятствует публикации моего письма в «Поэтическую академию» от 18 <sic!> ноября 1933 г. по средствам официального пресс-коммюнике. Мое стремление возникает не из того, чтобы иметь возможность чаще упоминаться в прессе, а из-за того, чтобы не появлялась неясность относительно моей политической сущности»[б. S.414]. Копию этого письма он отправил своему брату Фридриху Георгу с предложением при случае показать его знакомым. Подобный шаг мог быть обусловлен двумя факторами. Во-первых, убежденность Э. Юнгера в том, что подобное обращение не приобретет необходимого публичного эффекта и попросту пройдет незамеченным. Во-вторых, его стремление сохранить собственное лицо, прежде всего, в кругу близких и знакомых требовало от него продемонстрировать свою позицию, в которой не было атаки на режим, а присутствовало желание провести черту.

Подобная линия поведения Э. Юнгера прослеживалась на протяжении 1934-1935 гг., когда он 2 января 1934 г. отказался от членства в объединении «Немецкая воля»; 9 июля 1934 г. отклонил приглашение «Reichssenders» из Лейпцига, указав, что не хочет использовать радио; 14 января 1935 г. запретил издательству Теубнер включать тексты из своих военных книг в антологию мировой войны[б. S.414-415]. Следует отметить, что копию письма Э. Юнгер отправил Карлу Шмитту[2. S.27-28],

Фридриху Хильшеру[3. S.141], мнение которых для него было важным. И для усиления эффекта в число адресатов попал и Людвиг Алвенс, близкое лицо к ведомству Геббельса, что повлекло за собой разрыв отношений между ними[6. S.415], существовавший с конца 1920-х гг. Формула уклонения от членства, от использования его произведений о войне в политической пропаганде были способом дистанцирования от активного участия в строительстве национал-социалистической народной общности.

Заключение

После утверждения у власти коалиционного правительства А. Гитлера в январе 1933 г. в Германии начался процесс

политической трансформации демократической республики в фюрерскую диктатуру. В эти годы для консервативно-националистических мыслителей встал вопрос кооптации с нацистской партией. Э. Юнгер как известный националистический публицист оказался перед проблемой возможного сотрудничества с нацизмом. Юнгеровская стратегия политического выживания выражалась в стремлении занять позицию устранения от нацистской политической активности, которая была дополнена переездом из Берлина в германскую провинцию, как способ сохранить максимальную дистанцию от эпицентра политической деятельности.

Список литературы

1. Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945- декабрь 1948). /Пер. с нем. – СПб., 2007.
2. Ernst Jünger-Carl Schmitt. Briefwechsel 1930-1983, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Helmut Kiesel. – Stuttgart, 2012.
3. Ernst Jünger-Friedrich Hielscher. Briefwechsel 1927-1985, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Ina Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
4. Jünger E. Untergang oder neue Ordnung?// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
5. Jünger E. Zum Geleit// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007.
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. – Stuttgart, 2014

E. JUNGER AND THE ASSERTION OF THE NAZI GOVERNMENT: AN INTELLECTUAL'S SURVIVAL STRATEGY DURING THE YEARS OF NAZI DOMINATION.

The article discusses the issues of developing a strategy of behavior and survival of an intellectual in the conditions of the Nazi dictatorship on the example of the German conservative thinker and writer Ernst Junger. The formation of the Nazi government in January 1933 marked the end of the deep crisis of the Weimar Republic in the early 1930s. As a result of the formation of Hitler's Nazi-conservative coalition cabinet in the German state, the process of structural transformation of the state towards the Fuhrer state, assuming total control and management of the entire life of society, began. Under these conditions, the existence of an intellectual required a choice between conformity and nonconformism. The example of Ernst Junger, a well-known nationalist publicist, shows how non-trivial the ways of existence of a thinker can be in the conditions of the beginning regulation of public life and repression against opposition forces and ideas.

Keywords: Ernst Junger, Weimar Republic, National Socialism, intellectual choice, Nazi seizure of power, conservatism, conservative revolution.

References

1. Yunger E. Gody okkupacii (aprel' 1945- dekabr' 1948). /Per. s nem. – SPb., 2007.
2. Ernst Jünger-Carl Schmitt. Briefwechsel 1930-1983, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Helmut Kiesel. – Stuttgart, 2012.
3. Ernst Jünger-Friedrich Hielscher. Briefwechsel 1927-1985, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Ina Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
4. Jünger E. Untergang oder neue Ordnung?// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
5. Jünger E. Zum Geleit// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und

mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.

6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007.

7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. – Stuttgart, 2014

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations of Bryansk State University (Russia), E-mail: artamoshinsv@mail.ru